

Вечерний клуб. 1998. — 10 сент. — с. 4

Кurosawa

В воскресенье на 89-м году жизни умер величайший кинорежиссер современности Акира Куросава. Глубокий эстет, но и ценитель изощренного сюжета и певец скрытых сильных страстей. А если смотреть еще и нашими глазами — миллионов кинозрителей большой бывшей советской и нашей нынешней страны, — человек, обративший, казалось бы, непостижимый для нас менталитет в притягательный лабиринт, который прекрасно-безнадежно завел нас в глубины японской цивилизации.

Куросава оказался главным послом Японии в нашей стране. И чрезвычайным. И полномочным. И, как теперь ясно, вечным.

Прощаясь с Мастером, приводим главу недавно вышедшей книги Андрея Кончаловского "Низкие истины", посвященную Куросаве.

1983 год. Мне позвонил Том Лади. В это время он уже работал у Копполы, был продюсером по специальным проектам.

— Копполе позвонил Куросава, — сказал Том. — Просит найти американского режиссера на сценарий "Поезд-беглец". Фрэнсис думает предложить его тебе. У меня перехватило дыхание.

— Сейчас он тебе позвонит.

Коппола позвонил.

— Андрей, вот есть такой сценарий. Не хочешь ли поставить?

В Америке у Куросавы было два близких ему человека — Коппола и Лукас, они помогли ему довести до экрана "Кагемусю" ("Тень воина"), сами профинансировали завершение съемок, без их участия фильма просто бы не было. После этого у Куросавы с Копполой сложились доверительные отношения.

Я прочитал сценарий, он произвел замечательное впечатление. Надо было ехать на встречу с великим художником.

Забавно, что в Японию я летел через Москву. В моем родном "серпастром-молоткастом" визы на въезд в СССР не было. Я сидел в шереметьевском ресторане для транзитных пассажиров как иностранец и думал, всегда ли со страхом буду входить на эту территорию, бояться, не схватят ли, не укут ли в катажку. Мне удалось найти телефон, спросил, можно ли позвонить. Иностранцам звонить не полагалось. Мне разрешили. Я позвонил маме.

— Мамочка, я лечу в Токио.

— Ты в Москве?

— Да.

— Боже мой! — В ее голосе слышались слезы.

Я просидел два часа в аэропорту, выпил рюмку водки. Бред собачий! Почему я не мог провести эти два часа с мамой, с кем-то из друзей? Почему у себя, в Москве, я иностранец?

Или в России — все политика? Желание просто жить, как считаешь нужным, нормально дышать, думать, как хочешь думать, поступать, как велит душа, — все политика? Что это за законы? Прилетел в Токио. Два дня готовили мою встречу с Куросавой. Две компании, владевшие этим сценарием, говорили: "Куросава-сан вас примет завтра", спрашивали, что я по поводу сценария думаю. Я высказывал свои восторги. Потом, уже узнав поближе японцев, понял, что они выведывали, нет ли у меня каких-то особых претензий.

С Куросавой мы встречались еще в Москве. Я монтировал "Романс о влюбленных", он — "Дерсу Узала". Помню его длинную фигуру в курилке напротив туалета, от которого несло как из зоопарка. Ручки в туалете всегда были сломаны, дверь надо было открывать ногой, внутри — обколотый кафель, ржавые писсуары — как правило, не работающие. На диванчиках болтали-курили девочки-монтажницы, и он молча, сосредоточенно курил рядом, высокий, худой, гений. Курил он много, у него, видно, были какие-то свои проблемы; я смотрел на него с восхищением и почтением. Куросава вообще на меня и по сей день производит оглушительное впечатление. Это один из немногих режиссеров, обладающих истинным чувством трагического. На третий день меня повезли к Куросаве. Дорога оказалась долгой. Наконец, за поворотом открылась величественная Фуззияма. Мы остановились у японского дома из красного тикового дерева с огромными стеклами. В этот вечер в доме у него собрались люди его

окружения. Я не знал тогда, что к Куросаве в Японии относятся с чувством абсолютного благоговения, обожествления. Конечно, я его очень любил, но наглости во мне тоже было достаточно.

Разговаривать с ним, как тогда, сегодня бы не смог. Возраста прибавилось, а самоуверенности убавилось.

Мы сели. Он стал мне объяснять очень подробно сценарий. Он и в фильмах своих все любит очень подробно объяснять, чтобы зритель всегда понимал все, что происходит.

Все слушали с почтением. Я чувствовал, что в воздухе витала атмосфера обожания. Все ждали: как Куросава отнесется к русскому человеку из Америки? Но разговаривали мы очень хорошо. Он стал рисовать мне план поезда, как локомотивы соединены между собой, хотя это все давно мне было ясно — все же в сценарии написано. В его картинах, кстати, очень часто рисуется план. Самураи рисуют на песке: здесь наши, здесь — противник. Зрителю дается полная рекогносцировка. Удивительная способность не оставлять ни малейшей неясности. Вот так же он рисовал и мне. Жаль, я не сохранил эту бумажку.

Потом был обед. Куросава сам делал суши, японское блюдо из сырой рыбы. К тому времени мы чуть-чуть уже выпили.

Разговор зашел о политике, Куросава высказал свои симпатии к Ленину, сказал, что он великий человек. Я не удержался от возражений.

— Вот вы так о Ленине судите, потому что сами в его стране не жили. Вы бы там сначала пожили...

Возникла тяжелая пауза. Все затихло. Кроме нас, слышен был только переводчик. Японцы сидели смертельно бледные. Куросава побагровел. Стал говорить очень сердито. К тому времени мы уже усидели бутылку, не меньше, и потому я так же сердито объяснял ему, что такое советская власть... Наверное, у Куросавы Ленин навсегда стал олицетворением исторической силы, способной разрушить в его стране то, что он хотел бы разрушить, — японский милитаризм, японскую государственную иерархическую машину с трехсотлетней традицией. Я ведь не знал, что Куросава однажды был арестован за то, что, напившись, кидал камни в полицейский участок. Ему тогда уже было за шестьдесят. Сидеть с Куросавой у подножия Фуззиямы и есть суши — это похоже на строчку из стихотворения Шпаликова. Куросава, Фуззияма, суши — в этом что-то даже из иронического набора. У меня сохранилась фотография, тогда снятая.

Куросава согласился, чтобы кино снимал я. Но потом, когда я приехал уже с картиной, отказался меня увидеть. Возможно, воспринял меня как человека, подавшего американской империалистической идеологии.

После этого свидания японцы со мной вежливо кланялись, но смотрели с опаской. Странно! Я лишь потом вспомнил, что во время встречи все молчали: разговаривали только двое — он и я.

Куросава — мой любимейший режиссер. Когда что-то не получается, не ясно, как снимать, смотрю Куросаву. Достаточно двух-трех его картин, чтобы пришло понимание, как решать эту сцену, этот образ. Шекспир, шекспировский художник — по силе, по ясности, по мужеству взгляда на мир.